

ФЕНОМЕН ПРАВА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСУДИЯ

Думается, не будет преувеличением сказать, что поиск права представляет собой ядро деятельности всех людей, вовлеченных в правовую сферу. Поиск права приводит людей в залы суда, кабинеты адвокатов, прокуроров и следователей. Поиск права «заставляет» трудиться про-

фессионалов-юристов. Тот же самый поиск права составляет предмет стараний студентов и ученых-правоведов. В поисках наиболее эффективного права законодательный орган принимает все новые и новые законы.

Примечательно, что именно это право, которое (которого) все ищут, представляет собой нечто наиболее спорное. К праву весьма применимо известнейшее высказывание св. Августина по поводу времени: «когда меня не спрашивают, я знаю, что это, но как только спросят – уже не знаю». Вместе с тем право – нечто настолько близкое нам в нашем бытии, что ощущение его утраты способно вовлечь нас в упомянутый поиск и сделаться делом всей нашей жизни.

Особо эта утрата/нехватка права дает знать о себе, разумеется, в судах. Ведь не секрет, что закон иногда не имеет ничего общего с правом, не регулируя соответствующих фактических обстоятельств, послуживших основой для «дела», либо же не содержа в себе решения, адекватного сложившейся ситуации. В силу этого для того, чтобы правосудие свершилось, выход за рамки закона иногда является не просто возможным, но необходимым.

Примером этого является общеизвестное решение Верховного суда Украины по жалобе доверенного лица кандидата в Президенты Украины В. Ющенко Н. Катеринчука. Хотя действующая на декабрь 2004 г. редакция Закона Украины «О выборах президента Украины» не предусматривала третьего тура выборов, Верховный суд, приняв во внимание, что действующее законода-

тельство не содержит мер, достаточных для восстановления нарушенного права кандидата в президенты, а также то, что системные нарушения закона не дали возможности установить действительное волеизъявление избирателей, самостоятельно избрал способ восстановления нарушенного права, мотивировав свое решение непосредственно ст.8 Конституции Украины – верховенством права [2]. Иным примером является практика Палаты по хозяйственным спорам Верховного суда Украины, когда данная судебная инстанция, основываясь на ст.8 Конституции, отменяет постановления Высшего хозяйственного и апелляционного хозяйственного судов, оставляя в силе решения местного хозяйственного суда, что не предусмотрено ХПК Украины как результат рассмотрения дела Верховным судом. Такую позицию коллегия судей Верховного суда обычно аргументирует тем, что отмена законного и обоснованного решения суда I инстанции по одним лишь формальным основаниям противоречила бы верховенству права [3;4].

Очевидно, что «теоретический» и «практический» аспекты поиска права могут пересечься лишь в одном суде – Конституционном. Примером этого является решение данного органа по «делу о назначении более мягкого наказания, нежели предусмотрено законом» от 02.11.2004 г. Как известно, в п.4.1. мотивировочной части данного решения Конституционный суд пришел к выводу о том, что право не ограничивается лишь законодательством как одной из его форм, а включает и иные социальные регуляторы, в частности, нормы морали, традиции, обычаи и т.п., которые легитимизированы обществом и обусловлены исторически достигнутым культурным уровнем общества. Все эти элементы права объединяются качеством, которое отвечает идеологии справедливости, идеи права, которая в значительной мере отражена в конституции Украины. Такое понимание права не дает оснований для его отождествления с законом, который иногда может быть и несправедливым, в том числе ограничивать свободу и равенство лица [9].

Среди позитивных моментов данного решения следует отметить констатацию факта, что право не исчерпывается законодательством, а

также признание того, что закон иногда является несправедливым. Эти положения являются доктринальными для украинского правоведения. После долгого доминирования правового позитивизма хотя бы один официальный орган наконец-то признал, что команда государства в виде закона не всегда тождественна праву.

Как недостатки могут быть выделены следующие особенности упомянутого решения. Во-первых, весьма спорным является утверждение о том, что право включает в себя нормы морали и традиции. Ведь особенность права как раз и состоит в том, что оно позволяет однозначно решить ситуации, которые с моральной точки зрения являются антиномиями, допуская равно обоснованные противоположные решения. Так, с моральных позиций можно и осудить и оправдать убийство из мести, кражу, совершенную бедным либо голодным человеком, неисполнение имущественного обязательства в силу тяжелого стечения обстоятельств. Этот перечень можно продолжать практически до бесконечности. Также до бесконечности обе стороны описанных ситуаций могли бы доказывать свою правоту с моральных позиций, тогда как с правовой точки зрения все описанные случаи имеют четкое и однозначное решение. Касательно традиций хотелось бы отметить, что они обычно существуют на уровне семьи, определенной социальной группы (профессиональные, религиозные, национальные традиции), регулируя, прежде всего, не общественные, но межличностные отношения. Поэтому закрепление общеобязательной нормативности неких традиций неизбежно повлекло бы за собой вмешательство в сферу личной жизни людей, что является «чуждым» праву.

Также весьма уязвимым для критики является утверждение о том, что все эти явления (мораль, традиции и т.д.) являются составными элементами права и объединяются качеством, соответствующим идеологии справедливости. Представляется, что при таком подходе мы утрачиваем право как таковое, которое превращается в некое пустое, предельно общее понятие, не имеющее собственного содержания и служащее всего лишь собирательным наименованием для морали, традиций, справедливости и проч. Кроме того, вызывает удивление ссыла на «идеологию справедливости». Ведь согласно ст.15 конституции Украины ни одна идеология (даже самая справедливая и правовая!) не может быть обязательной. Однако определяя право (которое, как известно, общеобязательно) через некую идеологию, мы приходим к неизбежной нормативизации последней.

Таким образом, можно констатировать, что Конституционный суд Украины осуществил своеобразный «доктринальный прорыв», официально признав возможность различия права и закона, однако потерпел неудачу в адекватном концептуальном выражении этой дифференции. Наиболее полно это проявилось в том, что в указанном решении так и не сказано, что собственно представляет собой отличное от закона право, которое предстало как пустое, предельно общее понятие, не обладающее собственным содержанием и служащее всего лишь собирательным наименованием для морали, традиций, справедливости и иных смежных явлений. Можно предположить, что это положение вещей обусловлено общим методологическим кризисом юридической науки, когда вместо позитивизма, отождествлявшего бытие права и закона, до сих пор не найдено иного, альтернативного способа осмысления бытия права. Представляется, что плодотворными основаниями для поиска бытия права «вне закона» могут послужить следующие гипотезы.

Первая из них принадлежит герменевтической философии. Она заключается в том, что любой текст (а текст герменевтика понимает весьма широко, включая в него реальность в целом), а, следовательно, и право может быть понято как ответ на вопрос, явно либо скрыто заданный [6, с.203]. По словам известного немецкого философа Х.-Г. Гадамера, юрист понимает смысл закона с точки зрения конкретного случая, а смысл закона конкретизируется благодаря всем возможным случаям его применения [5, с.302]. Иной философ-герменевт, А. Кауфманн, отмечает, что мы не знаем, что означает право, прежде, чем получим знание об обстоятельствах дела [18, с.114]. Поэтому не следует ли предположить, что «право» является специфическим способом ответа на вопрос, «заданный» самими обстоятельствами, «делом», которое подлежит рассмотрению?

Вторая гипотеза заключается в том, что традиционный способ поиска права, который начинается с вопроса: «что есть право» – некорректен. Он может привести нас лишь к описанной выше ситуации, когда право будет представлять собой только «наиболее общее и пустое» из всех понятий, собирательное наименование для морали, справедливости, закона и проч. Но право – это уже ответ на вопрос. Поэтому более верным кажется реконструировать те обстоятельства, которые приводят к задаванию вопроса о праве, для того, чтобы прийти к праву как ответу на него не в ходе отвлеченного «спора об универсалиях», но исходя из философского осмысления условий возможности его постановки и разреше-

ния. В силу ограниченности объема данной статьи мы остановимся на одном из возможных вариантов – праве как ответе на вопросы, которые осмысливаются в ходе правосудия.

Как верно отмечает украинский правовед В.С. Бигун, правосудие не может быть отождествлено с судопроизводством. Если последнее осуществляется на основе закона, представляя собой «чисто техническую» деятельность суда по «производству» судебных решений, то правосудие имеет своей основой право [1, с.113]. Но что понимается под правом помимо «позитивного» права в широком смысле этого слова: закона, прецедента, договора, обычая? Идея права? Но ведь согласно общепринятому мнению, это нечто весьма «субъективное», и в силу этого непригодное как общая мера для правосудных решений...

В силу этого правосудие может быть понято как разновидность описанной выше деятельности по поиску права. Но что, какое событие, случай либо происшествие заставляют искать право¹? Ведь очевидно, что правосудие представляет собой не отвлеченно-теоретическое любопытство, но предприятие, от исхода которого зависит судьба участвующих в нем людей. Можно предположить, что это то событие (происшествие, случай), общей чертой которых является истинное либо мнимое правонарушение, которое, разумеется, не может быть отождествлено с простым «нарушением закона».

Но если право может быть нарушено, то оно должно уже предварительно как-то существовать «в жизни» – иначе, что нарушать? Таким образом, сама логика осмысления заставляет нас спросить о способе существования права «вне закона» – «в жизни».

Как несложно заметить, любое право как сущее, «чтойность» (quidditas) самим фактом своего существования указывает на некую пустоту, «нехватку права», которую оно призвано восполнить. Более подробному анализу данной проблемы посвящены соответствующие работы [12;13]. Для настоящего исследования решающее значение имеет то, что закон (средство восполнения соответствующих пробелов в регулировании общественных отношений), судебное решение (средство восстановления нарушенного права) либо договор (мера предосторожности на случай нарушения его условий) в равной мере самим своим наличием указывают на бытие не-

коей «исходной полноты» права, исчезновение которой оставляет некую пустоту, которая в ходе восполнения «всасывает» право как сущее. Таким образом, право как закона, договора либо судебного решения всегда уже вторично. *Соответственно, «в жизни» имеет место некое «prima existentia», «первичное бытие» права, которое само не есть право как сущее.* Следовательно, мы вынуждены спросить, где и когда это «первичное бытие права» имеет место.

В поисках права «в жизни», т.е. в «бытии людей» мы вынуждены обратиться к философским направлениям, которые сделали существование человека предметом своего осмысления. К таковым следует отнести философию экзистенциализма и фундаментальную онтологию.

Как известно, философия экзистенциализма (Сартр, Камю, Марсель, Ясперс) имеет своей целью отыскание смысла человеческого бытия. Постигание такового возможно в ходе поиска и реализации своей уникальной и неповторимой индивидуальности – т.н. «Самости» («Selbst» – нем.). Этот процесс носит название «поиска и осуществления личного проекта». Соответственно те, кто в ходе свободного выбора ответственно реализуют свой уникальный личный проект, живут «подлинным» бытием – экзистенцией. Те же, кто, напротив, существует массовым, обезличенным «бытием-как-все», живут «неподлинно». Отсюда экзистенция – это не просто «существование», но «сущность человека», которую еще предстоит обрести. Отсюда известный тезис экзистенциализма: «существование предшествует сущности» [10].

Какая же роль отводится в реализации личного проекта праву? По мнению большинства философов, принадлежащих к данному направлению, право относится к сфере обезличенного, неподлинного бытия [19, С.с.24-27; 20, С.552]. Индифферентное к индивидуальным различиям, устанавливающее общие для всех нормы и правила, право превращается в «орудие господства» усредненности, приводит к нигилизации «подлинной Самости», заставляя «быть как все».

Данное «негативное» отношение к праву часто «автоматически» переносится и на фундаментальную онтологию, виднейшим представителем которой является ученик Э. Гуссерля, немецкий философ М. Хайдеггер. Как известно, в отличие от экзистенциалистов, ищущих смысл бытия человека, М. Хайдеггер озабочен поиском смысла бытия в целом. Однако на пути к этой «генеральной цели» он считает необходимым этапом анализ «онтологического устройства человека», которое получило у него название «сиюбытнос-

¹ Более подробно об этом см. статью автора: *Стовба А. В. Правосудие: процесс, событие, происшествие? Каузальные ряды вины и приговора // Российский ежегодник по теории и философии права (Санкт-Петербург, 2009).*

ти» (нем. Dasein)² [16, с.7]. Поскольку подобный анализ, по Хайдеггеру, закладывает фундамент для всяческого онтологического разыскания, он и именуется свое учение «фундаментальной онтологией» [14, с.436].

В истории философии нет единого мнения касательно того, как М. Хайдеггер относился к праву. Некоторые исследователи считают, что он, подобно экзистенциалистам, относит право к сфере неподлинного бытия, которое получило у него титул «Das Man»³ [14, с.126 и далее]. С другой стороны, имеются весьма основательные исследования, отстаивающие противоположную точку зрения [17; 21].

Однако мы полагаем, что внимательное прочтение его главного философского труда – «Бытие и время» (1927 г.)⁴ [14;16] дает направление для осмысления того, где и когда имеет место право «вне закона».

Анализируя феномен «вины», М. Хайдеггер отмечает, что он может пониматься двояко: как «бытие-повинным» в смысле обязанности перед кем-то, и «бытие-причиной» чего-либо. Они совпадают в том, что мы называем «*провиниться*» (курсив М.Х.), т.е. через виновность в повинности нарушить право и сделать себя подлежащим наказанию. ... Провинность происходит не посредством правонарушения как такового, но из-за того, что моя вина есть в том, что Другой в своей экзистенции поставлен под удар, сбит с пути, или даже сломлен. Эта провинность перед другими возможна и без нарушения «публично-го» закона» [16, с.282].

Как можно видеть, Хайдеггер отнюдь не отождествляет т.н. «публичный закон», который

служит объектом критики экзистенциалистов, с правом. Право можно нарушить, не преступая закон. Согласно Хайдеггеру, правонарушение есть бытие-причиной для изъяна в «присутствии» («Dasein») Другого: это «бытие-причиной» есть неподчинение приказу, обращенному к экзистирующему бытию-с Другими. Оставим в стороне, продолжает далее Хайдеггер, как возникают такие приказы и как на основе этого возникновения должен пониматься их характер требования и закона [16, с.282].

Итак, для немецкого философа «нарушить право и сделать себя подлежащим наказанию» равно означает «неподчинение приказу, обращенному к экзистирующему бытию-с Другими». Это неподчинение имеет своим результатом «изъян в присутствии Другого».

Разберем это подробнее. Как известно, среди фундаментальных структур Dasein М. Хайдеггер выделяет бытие-в-мире (In-der-Welt-sein) и бытие-с (Mitsein) [14, с.52, с.117]. Последнее отнюдь не означает банальной констатации случайного факта со-наличия рядом двух и более «субъектов». По меткому замечанию Х.-Г. Гадамера, бытие-с подразумевает не сосуществование двух субъектов, но изначальный способ бытия в модусе «мы», подразумевающий первичную общность, а не дополнение «я» неким «ты» [7, с.20]. Конкретизируя указанные положения, известный немецкий правовед В. Майхофер указывает, что наше бытие-с-другими никогда не есть «бытие-вообще», но всегда конкретное бытие-как (Alssein): покупателя и продавца, адвоката и прокурора, арендатора и арендодателя и т.д. [19, с.32 и далее]⁵.

Сказанное позволяет уловить начало поиска права в терминах фундаментальной онтологии. Как можно видеть, в праве никогда не существует «одиночного субъекта»: любой т.н. «субъект» права самим фактом своего бытия-как гражданина, продавца, судьи и т.п. предполагает соответствующего Иного (Иных) с которыми он сосуществует в соответствующем способе бытия-как. Именно это имеет ввиду Хайдеггер, когда говорит о «приказе», обращенном не к одинокому индивиду, но к «экзистирующему бытию-с Другими». Но что означает «экзистирующее»?

В работе под названием «Письмо о гуманизме» (написанной как заочная полемика со знаменитым «Экзистенциализм это гуманизм» Сартра), Хайдеггер так объясняет свое понимание данного термина: экзистировать означает для меня «эк-зистировать», по аналогии с экстазом,

² Центральный термин философии М. Хайдеггера. В отличие от т.н. «классического» немецкого философского значения «бытие», «существование» у Хайдеггера данное слово обозначает «онтологическое устройство того сущего, которое всегда мы сами суть». См. к этому: Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.с.7, 12 и далее. Варианты перевода: В.В. Библихин – «присутствие»; Е.В. Борисов и А.А. Михайлов, А.В. Лаврухин – «вот-бытие»; Т.В. Васильева, А.В. Михайлов – «здесь-бытие». При настоящем переводе был взят вариант Н.О. Гучинской. Анализ Dasein применительно к праву: Стовба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. – Х.: Ди-са+, 2006 – С. 50 и далее.

³ Модус бытия сиюбытности в повседневности. См. к этому: Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.126 и далее. Варианты перевода: «люди» (В.В. Библихин), «некто» (Н.О. Гучинская). Перевод осложняется тем, что в русском (и украинском) языках отсутствуют безличные местоимения: ср.: напр. Man sagt (нем.) – «говорят» (рус.). Соответственно в настоящем переводе «Das Man» переводится как «люди» в кавычках, в отличие от людей: «Menschen».

⁴ Русский перевод – В.В. Библихин (1997). Там, где мы не согласны с его переводом, ссылка будет осуществляться на немецкое издание.

⁵ См. русский перевод данной работы в

т.е. выходить за свои пределы, говоря иначе – трансцендировать [15, с.199]. Несложно заметить, что именно выход за свои наличные пределы составляет сущность любого правоотношения. Всякое действие, которое носит правовой характер – сдача экзамена в вузе, покупка газеты, прогулка по городу, – указывает на соответствующее изменение правового статуса. Так, я становлюсь студентом, сдавшим экзамен и допущенным к следующему году обучения, покупателем, участником дорожного движения – пешеходом (гуляя по тротуарам либо в жилой зоне), либо природопользователем (прогулка на природе) и т.п.

В силу всего сказанного можно предположить, что упомянутый выше таинственный приказ, обращенный к «экзистирующему бытию-с Другими» становится открытым не «статичному индивиду», но всем участникам того или иного правоотношения, причем не «вообще и навсегда» а именно в конкретный момент вступления в данное правоотношение, изменения своего статуса, т.е. в «пограничный момент перехода». Обратим внимание на то, что *неподчинение* этому приказу М. Хайдеггер фактически приравнивает к правонарушению. Отсюда логично было бы предположить, что именно этот «приказ» и может быть отождествлен с правом. Именно его нарушение, неподчинение этому приказу и создает тот «правовой пробел», заполнение которого скрыто либо явно составляет предмет деятельности всех людей, так или иначе связанных с правом.

Однако нам не обойтись хотя бы без предварительного ответа на вопрос о природе и сути этого приказа. Как можно видеть у М. Хайдеггера, нарушение права (приказа) делает нарушителя подлежащим наказанию. При этом основанием для наказания является не сам факт правонарушения как такового, но вина – бытие-причиной для изъятия в «присутствии» Другого.

Начнем с последнего из приведенных тезисов. Итак, каким образом я могу быть-причиной для изъятия в присутствии Другого? Ведь кажется, что за исключением убийства, присутствие Другого никак не может пострадать от моих действий? Ответ следует искать с учетом изложенных выше положений В. Майхофера. Касательно права имеется ввиду, разумеется, никак не «физическое присутствие». Применительно к праву я никогда не «присутствую вообще» но всегда способом конкретного «бытия-как»: арендатора, преподавателя, водителя и т.п. Поэтому «бытие-причиной для изъятия в моем присутствии» означает, что некто, с кем я коррелятивно связан в том или ином правоотношении, существует так, что я в своем присутствии в соответствующем

модусе бытия-как «сбит с пути, поставлен под удар либо сломлен». Так, если покупатель не расплатился за товар, я «поставлен под удар» в соответствующем присутствии, «бытии-продавцом», если преподаватель вымогает у студента взятку, последний «сбит с пути» в соответствующем бытии-студентом, когда сотрудник милиции истязает задержанного, то человек «сломлен»⁶. «Бытие-виновным» правонарушителя имеет своим результатом «изъятие» в экзистенции Другого, в его способе присутствия в том или ином правоотношении, как-бытии продавцом, студентом, задержанным и т.п.⁷

Такое правонарушение, согласно Хайдеггеру, есть не только «неподчинение приказу» но и делает лицо, его совершившее, подлежащим наказанию. Обращает на себя внимание сходная этимология «приказа» и «наказания». «Наказание» есть «казание-на-содеянное», зависит от него. Подобно этому и «приказ» есть «казание-при» описанном выше переходе, экзистировании, на то, кем является тот Другой, с которым я коррелятивно соотношусь в соответствующем модусе бытия-как. Иными словами, только когда я «уже-знаю» «как-кто» есть тот, с кем я вступаю (могу вступить) в те или иные правоотношения, я уже-понимаю, как именно следует себя вести, «как» и «кем» быть так, чтобы не «поставить под удар, не сбить с пути и не сломать» этого Другого⁸.

При этом все, сказанное в отношении меня, в равной мере относится и к Другому. Приказ в равной мере обращен к нам обоим. Он есть одновременно казание каждого из нас в нашем общем, «со-ответствующем» модусе бытия-как: покупателя и продавца, врача и пациента. Следует также упомянуть, что под «пониманием» приказа имеется ввиду не «метод чистого познания», но соответствующий модус бытия ко-экзистирующей сиюбытности (Dasein)⁹. По словам известного французского философа П. Рикера, онтология понимания М.Хайдеггера отказываясь от дебатов о методе сразу переносится в план онтологии конечного бытия, чтобы здесь найти понимание уже не как способ познания, но как способ бытия [8, с.7].

⁶ Более детальный анализ этих феноменов и их дифференциация представляют предмет самостоятельного исследования.

⁷ Замкнутость «се» сиюбытности либо «при» присутствия как события пребывания «при» сути (Anwesen) соответствующего модуса бытия-как

⁸ «Как» обозначает модус перехода. Более подробно см. [11]

⁹ О понимании как модусе бытия сиюбытности (Dasein) более подробно см.[14, с.142 и далее]

На основании всего изложенного можно заключить, что право в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера исходно является некой «чтойностью», сущим, но *событием приказа как казания-себя в соответствующем модусе бытия-как тех, кто вовлечен в то или иное правоотношение, чем и обусловлен их «соответствующий» способ поведения.* Неподчинение этому приказу влечет за собой «пустоту», «неопределенность правового статуса участников», что «ставит вопрос» судьбе, адвокату, прокурору и всем тем, кто вовлечен в поиски в ходе правосудия права как ответа на вопрос о смысле происшедшего. Право как сущее есть своеобразный ответ на вопрос «кто есть кто» в правовой ситуации: кто повел себя противно приказу, сделавшись тем самым «подлежащим наказанию», а кто, напротив, правомерно, т.е. согласно своему модусу бытия-как. Несложно также заметить, что это, кроме прочего, вопрос о вине как бытия-причиной для изъятия в соответствующем бытии-как Другого. Наказание как казание-на смысл происшедшего дает найти такие правовые последствия для содеянного, которые позволили бы «вы-править» ущербное бытие-как как нарушителя (виновного), так и потерпевшего. Разумеется, и «потерпевший», и «нарушитель» являются не «первичными», но «производными» модусами бытия-как, не имеющими собственного содержания, и определяемыми лишь негативно, как изъят в соответствующем бытии-как.

Итак, результатом проведенной работы стало осмысление права как фундаментально-онтологической основы правосудия. Право, укорененное в бытии сиюбытности как бытия-с, оказывается *событием приказа как казания-себя в соответствующем модусе бытия-как тех, кто вовлечен в то или иное правоотношение, чем и обусловлен их соответствующий друг другу «надлежащий» способ поведения.* Взятое в таком ракурсе, право оказывается ответом на вопрос «как» и «кем» быть в тех либо иных обстоятельствах. В отличие от этого т.н. права (I), право (II), т.е. право как сущее (позитивное право в широком смысле слова – закон, договор и т.п.) является лишь инструментом для восполнения «пустоты», вызванной нарушением права (I). Это право (II) является ответом на вопрос «Что произошло и что делать?». Представляется, что правосудие (в отличие от судопроизводства) возможно лишь на основе права (I), когда мера для осмысления соответствующего деяния, заданная законом (правом II), должна всякий раз подвергаться критической оценке и «доказывать» заново свою применимость. Право (I) наиболее ясно и полно отк-

рыто не столько профессиональным судьям, сколько присяжным. Способы этой открытости еще предстоит выявить и описать.

Список литературы

1. Бізун В.С. Філософія правосуддя (до постановки проблеми) // Проблеми філософії права. – 2006-2007. – Т. IV-V. – С.113-120.
2. Вісник Верховного суду України. – 2004. – № 11.
3. Вісник Верховного суду України. – 2007. – № 11.
4. Вісник Верховного суду України. – 2007. – № 12.
5. Гадамер Г.-Г. Истина і метод: В 4 т. – К.: Юніверс, 2000. – Т. 1: Герменевтика I: Основи філософ. герменевтики. – 464 с.
6. Гадамер Г.-Г. Истина і метод. В 4 т./ К.: Юніверс, 2000. – Т.2: Герменевтика II. – 478 с.
7. Гадамер Г.-Г. Пути Хайдеггера: исследование позднего творчества. – Минск: Пропилеи, 2007. – 240 с.
8. Рикер П. Конфлікт інтерпретацій. Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 412 с.
9. Рішення Конституційного суду України № 1-33/2004 // Урядовий кур'єр. – 17.11.2004. – № 219.
10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: изд-во политической лит-ры, 1989. – С. 319-345.
11. Стовба О.В. «Право-судья»: філософсько-правові аспекти реалізації деяких конституційних положень//Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Вип. 427: Правознавство. – Чернівці: Рута, 2007. – С. 22-26.
12. Стовба О.В. Деконструкція поняття права: постановка проблеми//Проблеми філософії права. – 2006-2007. – Т.IV-V. – С.120-125.
13. Стовба А.В. Правосудие в эпоху постмодерна: след, восполнение, differAnce // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний та міжнародний виміри: Тези міжнародної науково-практичної конференції. – Одеса: Фенікс, 2008. – С.33-35.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
15. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С.192-221.
16. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. – 437 S.
17. Heine mann W. Die Relevanz der Philosophie Martin Heideggers fuer das Rechtsdenken. – Freiburg im Breisgau: Hohen

Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Albert-Ludwigs Universität, 1970. – 425 S.

18. Kaufman A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations // Law, Interpretation and Reality. – Dordrecht, 1990. – P. 104-123.

19. Maihofer W. Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1954. – 125 S.

20. Sprenger G. Ueber den Ort des Rechts in der Fundamentalontologie Martin Heideggers // Rechtsstaat und Menschenwürde/ Festschrift fuer W. Maihofer zum 70 Geburtstag. – V. Klostermann, Frankfurt am Main, 1988. – S.549-569.

21. Tontti J. Right and Prejudice. Prolegomena to a Hermeneutical Philosophy of Law. – Burlington: Ashgate, 2004. – 204 p.

O. B. Stovba

ФЕНОМЕН ПРАВА ЯК ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ОНТОЛОГІЧНА ОСНОВА ПРАВОСУДДЯ

Судова практика Верховного та Конституційного судів України вказує на нагальну необхідність осмислення того, як існує право «поза законом». Правосуддя, на відміну від судочинства, потребує не просто закону, а права. Тому необхідний пошук методологічних засад, які б дозволили відшукати «право у житті», яке є первинним відносно «права у законі». Допомогти у цьому може фундаментальна онтологія М. Гайдеггера. Осмислення права на основі цієї філософії дає змогу досягнути фундаментально-онтологічні засади правосуддя, вкоренивши його у людське буття.

O. V. Stovba

PHENOMENON OF LAW AS FUNDAMENTAL-ONTOLOGICAL FOUNDATION OF JUSTICE

The numbers of current decisions of the Constitutional and Supreme Court of Ukraine point to the problem of the «being of law outside the law». The justice is something more than just a legal procedure and requires not only «the law» but «a law» which exists outside legal documents. Therefore there is a need for a correlative methodological foundation for such «a law». It is Martin Heidegger's fundamental ontology. The comprehension of law based on this philosophy gives us a fundamental-ontological foundation of justice rooted in human being.